

У-х,

д-у-

-у-

х!

Дух

хат

коминам хіба брат?

Комини відьмам рідні

А дахи хат снопами лад

уладовують в роки хлібні:

сяйно сяяли б щирі-дорідні

у віках, хай хоч голод бреде,
чи війною осколки вогненно мете.

Стіни синькою гоять вапно,

а ще формулу знають полян:

вікно+двері = вікно+вікно,

крапу-крапи - у шиб екран!

Дуб підвалин, священ колись би;

трохи призьби.

Михайло Стрельбицкий

Если некий
народ-д-д...

Михайло Стрельбицкий

Если некий народ-д-д...

Анафорическая поэма-мозаика
постэмфатического народоведения

Издание 2-е, дополненное

«Но если.....»

Александр Пушкин

*«Народам иногда прощается глупость, а
иногда и подлость. Но подлость и глупость,
вместе взятые – никогда».*

Дмитрий Мережковский

Винница
Т. П. Барановская
2015

УДК 82-1(477)
ББК 84(4УКР)-5
С84

Чимало народів на своєму шляху від варварства до цивілізації потрапляли в історичні тупики, переживали ексцеси ретроградної варваризації. Тим переконливішими бували успіхи в її подоланні, здобуті завдяки повній цілеспрямованій мобілізації суспільства (а то й міжнародного співтовариства): післявоєнні Німеччина, Японія, Італія, сучасна Польща... Але що відбувається, які алогізми модифікуються, якщо деякий великий народ, не доклавши вагомих зусиль для подолання тупикових «цінностей», повертається до історичного тупика під бравурні марші та погрозливий брязкіт зброї? Чи не спокусьтеся перспективою неоварваризації також і для своїх сусідів та всього світу?..

Стрельбицкий, Михайло

С84

Если некий народ-д-д... Анафорическая поэма-мозаика постэмфатического народоведения. Издание 2-е, дополненное. – Винница : Т. П. Барановская, 2015 – 96 с.

ISBN 978-617-7233-05-2

Многие народы на своем пути от варварства к цивилизации попадали в исторические тупики, переживали эксцессы ретроградной варваризации. Тем убедительней бывали успехи преодоления оной, добытые ценой полной целенаправленной мобилизации общества (да и международного сообщества): послевоенные Германия, Япония, Италия, сегодняшняя Польша... Но что происходит, какие алогизмы модифицируются, если некий великий народ, не приложив весомых усилий к преодолению тупиковых «ценностей», возвращается в исторический тупик под бравурные марши и грозное бряцание оружием? Не соблазнится ли перспективой неоварваризации также для соседей и всего мира?..

УДК 82-1(477)
ББК 84(4УКР)-5

ISBN 978-617-7233-05-2

© М. Стрельбицкий, 2015

**Вальс о 32-м макабря,
или Пролог,
послуживший Эпилогом в 2003 году**

Как тридцать второго числа,
к полднику да поутрянке,
приметка по улице шла
в первойшей трехцветной портянке.

Приметка была в самый раз,
но ей, горемычной, навстречу
хромал-ковылял Несураз,
ворча: «Всё равно не замечу!»
Хоть был Несураз ведуном,
приметка была не ко счастью:
и мир заходил ходуном,
и власть сменилася властью.

Свернулись в очко времена,
разверзлось вовсю безвременье,
и странная очень страна —
Странишша! — вошла в ускоренье.
И были б Странишше кранты,
и миру — кузькина мать,
и не спасли бы Кресты,
Бутырки, Лубянка-спасатель.

Но тридцать второго числа,
год в год — Нострадамусу «danke!» —
опять приметка прошла,
навстречу ей — Ваня на танке.

Эпилог к кн. «Месячник России» (2003 г.)

Если некий народ-А-А...

1

*«Русского народа нет — есть телезрители,
а также наркоманы, пьяницы, бляди...»*

Герман Стерлигов (год 2012).

Если некий народ ПОТРЕБЛЯЕТ, ОН – ЕСТЬ
(пусть завешаны уши лапшой):

ведь, лапшу потребляя, выделяет он лезть,
и в лояльность затем превращает он лезть,
и, лояльный, живет – *на большой!*

Ведь лояльность его потребляют вожди,
управдомы, консьержки и «мусора»,
припевая *коб-зонно*: «Надейся и жди!
Завтра лучше надейся, чем позавчера!»

Смесь времен –
самый вкусный, балдежный коктейль,
выручала не раз и не два,
смесь времен.

Перспектива обратная ради новых затей
шла, дошла и взята с византийских икон.

Враг – везде. Отовсюду. Но ждет его месть:
на лапшу посягнувшего дерзко врага.

Если вечный народ потребляет, он – есть,
он лапшу отстоит,
честь ему дорога!

(«Дешевеет водяра опять и опять?
Значит, время – вперед! Продвигаемся – вспять!»)...
... И воспряли артисты, шальная богема,
и увидел народ свой Стерлигов Герман.

2

Если некий народ – ИСПОКОН БОГАТЫРЬ,
к расслабухе же склонен настолько,
что возглавить его успевают упырь
(вновь – упырь? непременно – упырь!)
по дороге от «монопольки»,
то застигнут бывает Народ иногда
поворотом судьбы вначале...
Поворот совершился? Спокойней тогда:
«Нас долбут – мы крепчаем!»

Богатырскую кровушку пьет
и крепчает упырь, и крепчает,
и растет, и растет, и растет...
А народ? Что – народ? А народ
горд и счастлив, что мощно мельчает...
... Но зато, ух, зато вождь-упырь –
величайший народа водила;
спел народу: «Сумеешь – тырь!»
спел себе: «Богатырская
наша сила!...»

3

Если некий народ ВЕЧНО ЮН,
изначальный пострел, проказник,
ему птица поет Гамаюн,
воронье оглашает праздник.
Воронье подпевает в праздник!
Ибо, недоросль вечный, он резв,
беспокоен, всегда – на подхвате,
даже если *не очень* трезв,
не в своей даже если хате...
Хоть вожди его – лучших не жди! –
норовят приписать ему годы –
черт их знает, зачем: впереди
ведь эпохи да эры, народы...
Те народы, которых поять
и, появ, подвергнуть братанью
он сумеет, глядя не вспять, –
данью будущему
предначертанью.
Наивысшему предначертанью!
Ведал, ведает, чует нутром,
вечный недоросль, а – смышленный:
где идет к Эльдorado паром,
где супец из Парижа – прям' в дом,
где – венец ощущений стрёмных...
Если ж скатертью ляжет путь,
не забудется, где *и с к а т и*
вечной сытости сладкую жуть –
самобраную дедову скатерть.

4

Если некий народ – ТОТ ЕЩЕ ОЗОРНИК,
самый тот, ну, настолько, что – этот:
он шутя в тайны мира проник
напрямик,
к ним приник –
не выказывал даже поэтам.

Зря поэты-витии (озорники!),
озорюя (народники!), шустрили шустро:
с умным видом стрелялись у Черной Реки,
с умным видом несли Заратустру...

Им не понять, не выразить то озорство,
смысл которого в порче всех смыслов:
чтоб на месте всех смыслов –
Сам-себе-божество,
Сам-себе-баловство,
Сам-зато-всем-родство,
а морям – коромысло.

5

Если некий народ ВСЁ-ВСЁ-ВСЁ ИЗОБРЕЛ –
от чугулки до нужных микробов, –
он народам и странам в сердце, в душу вошел,
он снискал их любовь до гроба.

И себе наилучшее у себя же взял
(от своих то есть изобретений),

наложив лишь одно небольшое «Низзя!»
на свободу обмена мнений...

Изобрел самолет – всех комфортней летит,
изобрел словари – уж почти не злословит,
изобрел *чиливи́зор* – в нем балдеет и бдит,
интернет изобрел – в нем предателей ловит.

Изобрел КВН – дал культурам толчок:
кавээнщик играет Шекспира!
Кавээнщики лучшие в нужный срок
стали в строй церковного клира...

Мир притих, цепенеет не первый уж год
(цепенеть и к лицу, и кстати!):
что еще и когда вдруг изобретет
несравненный изобретатель?

6

Если некий народ – ГЕДОНИСТ,
по-любому он услаждается.
Есть шалава? Не надо монист!
Есть бражуля? Вино забывается.

Гедонизьм – судьбины игра
(хоть итог сей игры всегда бедственный).
Личный остров? На острове – рай?
Надобен материк наследственный!..

Гедонизьм гедонизьму в каждом случае – рознь,
но чета: гедонизьм – гедонизьму!

Кто поддал – тому сладок мороз,
кто зажрался – прикажет клизьму.

Гедонизьм переходит в садизьм?
Ну бывает, бывает, бывает:
вкус бражули, пиндосы, плиз,
вашей алой испить подстрекает;

для начала – ближайших братьёв-врагов,
иже кровь их – пиндосской услады:
страсть выходит, выходит из берегов,
близя пик гедонизьма-садо...

7

Если некий народ – МАЗОХИСТ-САДО,
он в страданиях своих долго ищет усладу,
он страдает смертельно –
сладчайше и тяжко:
в кабаке ли, в семейной ли,
в барской упряжке,
у попа ли на жатве ли, на сенокосе ль...
Он судьбину свою, воспевая, поносит.
Он в солдатчине – бравый отважный калека,
под шпицрутеном счастлив:
«Хошь выжить – кумекай!..»
Но зато!.. Ах, за то!..
Столь вкусив мазохизьма,
амплитудно летит, душка, в крайность садизьма!
Хоть из новых словцо, да занятие старо:
будь он красный,
аль будь разноцветный террор,

корни – знамо – в оприччине,
с ней и на ты:
сладко вспаривать старцам седым животы,
сладко девкам, молодкам бутылки втыкать,
изнасиловав прежде, мать да перемать...
Иль в соседней степи, веселясь понарошку,
отрывать пацанам, им отпиливать бошки...
Отвернется не раз даже родина-мать...
... Слабонервные просят не продолжать?

8

Если некий народ СТРОИЛ-СТРОИЛ,
погибал, укрепляя устои,
в результате, увы, недостроил,
недостроенное перестроить
возжелал как бы и приступил...
перестраивая, мастер строек,
не добрался, увы, до устоев,
в результате
недоперестроил:
«Нету моченьки! Где взять сил?!»
Сам себе уж не мил,
сам себя костерил, материл...
Но приказ от Вождя получил:
«Проклинать и забыть перестройку!
Завершить изначальную Стройку!...»

... Завершить то, что строил-строил?
Недостроив, недоперестроил?
Не найдя под завалом устоев

(То ль не те отыскал, охламон:
может... неких о п р и ч н ы х времен?)?!..

... Все ж работка-то есть: знать, ее и достоин.

9

Если некий народ ВСЕ Ж ПОСТРОИЛ
то, что строил,
да, блин, недостроил,
а пося и недоперестроил,
он дивится трудам своим
разудалым,
результатам негаданным,
хоть запоздалым.
Словари обыскал,
ищет в энциклопедиях...
Кто б назвал, подсказал,
объявил в каких «медиях»:
что же, черт возьми, что
(ну в конце-то концов!),
подсобрав всех мастей молодцов,
возложив на руины,
построил?..

10

Если некий народ ПРОИЗВОДИТ ВОЖДЕЙ,
но и сам вождями творимый,
убоится его любой лиходей,
повторяя Вождя и народа имя.

Имя – значит! Воюет! Разит и бдит!
Побеждает! Предвосхищает!
Ведь слились в таком имени следопыт и джигит,
в нем ушкуйник благоухает.

Вождь – народу всечасно верховный слуга,
он приходит подчас *ниоткуда*,
но укажет народу повсюду врага –
и свершится победное чудо!

Претендент на вождя может быть *идиот*,
грязью вымазан, кровью замазан,
но как только за ним *авангард* пойдет,
то и массы двинутся разом.

От победы к победе друг дружку ведут:
вождь – народный, народ – *вождемый*.
Ратный труд и терпение
всех перетрут,
освящая едино имя.

11

Если некий народ – ИДЕЙНЫЙ ПОЛЯРНИК,
он полярностями живет,
для народов иных, титулярных,
он советником Божьим слывет.

Его в Арктике любят пингвины,
даже в Африке льнут к нему;
ну а если поставил где мины,
не опасны они ему.

Любит мир, потому и войнушка
всех занятий ему милей.
На войнушке женой ему – пушка,
много есть реактивных друзей.

Ненавидит неискренность шибко,
потому любит клятвы давать,
отвечать на обиды улыбкой,
стол делить и кровать подвигать.

В разных странах столы да кровати
не без тамошних черт и примет...
На свои возвращаясь полати,
вечной дружбы дать любит завет.

12

Если некий народ – БУДТО БЫ СУМАСБРОД
(а на самом-то деле – хитрей самых умных),
он трубит-не-трубит поход-не-поход
и шевроны прячет в походных сумках.

От сумы до тюрьмы он прошел-не-прошел,
от сумы до тюрьмы да обратно,
он познал суку жисть *харашо-хорошо*
и готов преподать ее
всем народам-братьям.

Сумасбродства приемы однако нужны
при допросах, расспросах, в любовных делишках:
как иначе дать

круглогодичной весны
ощущение местным «опришкам»?

13

Если некий народ – ВСЕХ ВРЕМЕН ВЕЗДЕХОД,
проходящий миры проходимец,
он мирам тем несет укорот,
благодарный мздоимец.
Впрочем радостно собственный грош отдаст,
на оружишко ежели, на награды:
лишь бы не утвердился где
пропиндосский траст
свораченья народов ради.
Укорот – се порядок и труд,
комендантский час, если необходимо;
глубиною сибирских руд
время тоже ведь измеримо.
И звучит, как пароль, как верди-кт
всем везде, кто развитий хочет:
если в общем ты свой – «Да иди ты к!..»,
коль лоялен к пиндосам – «Кароче!!!».

14

Если некий народ ТО ОСТРИТ, ТО ЯЗВИТ,
к языкам иным непривычный,
он язык свой лелеет? Читит!
В притчу входит как узкоязычный.
В притче льготно-вольготно ему
над народами столь возвышаться,
что, забыв про суму да тюрьму,
изощряется он покривляться:

мол-де, мало внимания мне,
обижают, язык унижают жадно;
в каждой мне подотчетной стране
душит местных их местная жаба...
И встает «языковый вопрос»
вместо жизненных жизни ответов,
и торчат у Народа ракеты:
стартадут – материк вразнос!

15

Если некий народ НА ВЕСЬ МИР ОСЕРЧАЛ
(не сумев собрать кубик-рубик),
возвратясь в *чилилизор*,
он мычал да рычал:
«Как же так? Почему нас никто не любит?»

Кубик-рубик был дар
от учтивых мадьяр,
ни мадьяры, ни он были не виноваты,
но сказался вчерашний опьянения угар:
не от водки, но от *чилилизорной* «ваты».
«Вата» тлела и жгла,
кровь из сердца пила:
«Наш сосед оборзел, против нас замышляет!
Он своих пацанов
лишить власти готов;
в том, что наши они,
он уж подозревает!..»

Кубик-рубик лежал,
разноцветно мерцал,

он ехидно круглил квадраты...
Кубик-рубик погиб:
на удар, на изгиб
оказался он – ф-фу! – плоховатый!

Там, где кубик лежал,
возлегла пустота
под названьем «Долой кубик-рубик!»
А над той пустотой
глас вопиет святой:
«Как же так? Почему нас никто не полюбит?»

16

Если некий народ-д-д – «Д-Д-Д!» –
с переходом лишь на «та-та-та!»,
он такой потому, что в складах с ДДТ
чинить стены да крыши не стал?

ДДТ – тот который не песня, а «дуст», –
он ведь пуще любых, растудей, ОРТ:
превращает двуногих... а даже в мангуст,
у пингвинов в печенках сидит и т.д.

Алфавит полон звуков, речь в вышних – свята,
почему же, зачем в сердцевине времен
он зациклился на «д-д-д! – та-та-та!» –
сей народ-д-д... сам собою отягощен?

Почему колченогий малец-удалец –
«д-д-д! – та-та-та!» – мамке целит меж глаз?

Почему мамка счастлива? Что – наконец! –
нынче папка с сынулей сыграют в спецназ?

Нет ответа поэту. Молчи, графоман!
Вопрошателю проще и легче всегда.
В Лугандоне туман, и в тумане – обман.
Но приказ взводу дан, но приказ взводу дан...

17

Если некий народ **ВОПРЕКИ ВСЕМ УМАМ**
и сердцам всем своим совестливым
выдвигает «наверх»
тех, кто – самый хам,
кто жаждет охранную свиту и «ксиву», –

хреновато народу. Но сам виноват,
сам в идеал возвел хамство,
себя убедив, умелец и хват,
что хамство – геройство-упрямство.

Но хамство верховное, всех во главе,
ум, совесть, – презрев, – изживает,
подачкой солдату, подачкой вдове
насилие поощряет.

Насилуя ум, и совесть, и честь,
войнушку в своем разыграв умишке,
в умишке войнушку умножив на спесь,
витийствует рьяно, юродствует слишком, –

чтоб семя подлой, ненужной войны,
каковой не знали ни мир, ни природа,
посеять однажды вокруг страны –
к беде и позору родного народа.

18

Если некий народ НЕ БОИТСЯ НЕВЗГОД,
не страшится настолько,
что страшно их любит,
он, великий и жертвенный, народ-недород,
за *невзгодное* дело
души погубит:

души лучших своих и не худших чужих
сынков-пасынков, пришлых наймитов, –
однозначно положит – в пшенице, во ржи
под рыданье совы,
под шуршанье термитов.

Уцелевшие души
да благословят,
да продолжат раденья,
отвергнув рыданья,
на *невзгодное* дело детей и внучат
гордо определяют,
приняв господаянья.

19

Если некий народ В ЧИЛИВИЗОР УШЕЛ
с головой, с потрохами, душою и сердцем,
он там правду и веру, смыслы жизни нашел

и, найдя,
предстает с *чили визорным сердцем*.
Бдит и видит невиданно!
Чует нутром!
Обновленным нутром!
Потрохами мудрейшими!
Обновляя предание, иже старо,
вычисляя фашизма всемирного трещины!
Он пойдет на фашистов! Мечом и огнем!
Отнимая у них
уголь, земли, рабов с ихней ласкою...
И куда бы ни шел он, пребудет при нем
чили визор с евонной вернейшей подсказкою.

20

Если некий народ СЧАСТЛИВ САМ,
он других осчастливить возжаждет,
приобщить их: к Пути ли, к святым Небесам,
утолить их духовную жажду;
утолить, если надо, физический глад,
окормляя – в натуре – несчастных, изгоев,
прославляя на марше исконный парад
продотрядов, потом – гумконвоев.
Гумконвои – они ведь продотрядам чета,
белым цветом своим этот мир очищают;
кто ж не понял про это до сих пор ни черта,
пусть спасения в Боге не чает.
Ибо силу имеет счастливый народ
Госпопа своего устами
суд последний вершить:
отмыкать небосвод,

замыкать небосвод, –
не устанет.

21

Если некий народ ЕСТЬ НАРОД-ГЕРОЙ,
победитель в веках непременный,
он стоит за войнушку – горой:
чтобы мир наступал
вожделенный.

Мир постольку-поскольку. Важней,
чтоб столица Столицей Мира
прослыла на планете людей
ради славы вождя-кумира.

Героизма ради живя,
героизма ради страдая,
мимо курского соловья
в направленьи врага стреляя,
можно вечно жить – не тужить,
исполняя предназначенье,
свято миссии вечной служить
долга вечного во исполнение:
что не менее важно в рядах,
вечно с совестью вечной в ладах;
не жалея цели сей для
даже курского соловья.

22

Если некий народ – ПЕРЕНОСЧИК КУЛЬТУРЫ,
он ее всем несет и при этом жужжит.
Кто-то пикнуть посмел? Тот – «фашист», в натуре,
«нацик», «ж-жидобендеровец», «бендерож-ж-жид»...

Мастеров сей культуры – артистов народных
посылает народ («Отдохнули б оне!»)
пострелять *по людям* («Дело – богоугодное!»)
в самой братской
и
единокровной стране.

Кровь – зовет! Зов культуры не противоречит.
Сериал «Вечный зов» продолжается вспять.
Наяву продолжается! Светите свечи!
Наяву повторяйте: «Честная мать!».

«Культуртрегерство» – слово, конечно, чужое.
Перевод найден точный, язвленные в рот!
Вам на общепонятном объясняет, разжевывая:
«Так – так – так!» – говорит пулемет.

23

Если некий народ – БОГОНОСЕЦ,
он иконки да ладанки носит,
их соседним народам приносит –
очень чинно, сурово при том,
вдохновляем своим Господом.

Госпопа величает исправно,
а своих песьеглавцев заглавных,
авангардных, мудрейших, державных,
камуфляжит, крестом осенив,
в крестоносцы их определив.

Доброволец кто, али контрактник,
времена не меняют сих практик
и в пределах ближайших галактик:
видит Межгалактический Бог;
видеть – видит, вмешаться не смог.

24

Если некий народ КОЕ-ГДЕ ПОРОЙ
честно пытался жить,
за него менты стояли горой,
пытаясь честно служить.

Бывало, спасал всех сопливый мамлей,
бывало – бабенка-майор,
которая, слышав команду «Налей!»,
смотрела бандиту в упор...

Канули в Лету – в натуре – менты,
приветил их телеэкран.
Народ повсеместно: «Ух-х ты!» да «Эх-х ты!» –
экранами осиян.

В натуре пришел полицай, айн-цвай-драй,
но сказке не видно конца.
И если с экрана звучит: «Наливай!» –
в ответ: «Ламца-дрица-ца!..»

Ушли менты? Отслужили менты?
Украйна, ану ответь!
«Ушли не ушли, но – ух-х ты! да эх-х ты! –
остался МЕНТалитет!»

25

Если некий народ НРАВОМ – МЕНТ,
объяснит ему Гиркин-Стрелков,
что он – как бы... народ-цемент,
инородцев держатель таков:

цементируя жизни уклад
и *мент-альности* на века,
возглавляя Победы парад,
он на *прот*чих глядит свысока:
эдакий коллективный пилат.

На века, на века, на века!..
Только марка цемента – как*а*?
И в фундаментах – что? О, черт:
испражнения держиморд?

26

Если некий народ ПО НАТУРЕ – ДОБЫТЧИК,
он сынулям своим, к мародерству привычным,
кое в чем кой-когда потакает,
лучше сделать как – намекает.

Ибо слаб человек. Сильнее – призвание.
Вот отсюда и мудрое потакание,
кое в чем кой-когда, как всегда, послабление
(даже – если по пьяни – то и опупение).

Коль сынкам, родной кровушке, послабление вышло,
то уж пасынкам ушлым и закон и дышло –

пропитания ради да удали – дадены:
пусть кичатся трофейным углем да нарядами...

... Вот и ладненько в дружном семействе большом!
Вот звучит за столом: «Хорошо!», «Карашьо!»,
«На большой!», «Клёво!», «Нет, не херово!» – звучит!..
Казачку угождает – подливает «джигит»...
Честь великая самая – самому скромному –
знамо дело – как пить дать! – вот и дать:
«Бес-шеvron-ному!...».

27

Если некий народ ОПУПЕЛ НЕ СОВСЕМ,
хоть и сам себя в *чиливи́зоре* мочит,
он, внимательный, душка, целительный крем,
зарядив в *чиливи́зоре*,
исцелиться хочет:
потребляет наружно, внутренне дробит.

Исцеляет однако не токмо крем,
но – превыше всего – чудо-ящика сила:
закипая в нем, несколько важных тем,
самых нужных тем, самых-самых тем,
мозг питают: не хилый –
не хило!

Не уснуть с чудо-ящиком, нет, никому:
ящик бдит, ящик бдеть обучает.
Он не просто подпитка –
он подмена уму,

коль фашист за фашистом
на народ наступает.

Ведь фашисты – везде!
У пиндосов в узде:
ружья в руки возьмут,
закопаются в земли свои активно
и сидят там жестоко, творят беспредел,
не берет их ни бомба, ни снаряд реактивный.

Чиливизор наводку на них совершит,
да, наводку всеобщего гнева Народа,
и народный лишь гнев там их испепелит –
всех пиндосских фашистов-уродов!

28

Если некий народ ВОЗЫМЕЛ
победить всех фашистов призвание,
исчезает последний предел,
каб народу развить обоняние:
чуять дабы вонючего след –
след фашиста, фашизма усопшего,
брать тот след, будто охотовед
иль трофейный гончак из прошлого.
След куда бы ни вел – приведет...
только бы не к своим полатам,
где сынки-пацанки круглый год
«Хайль!» орут и сосут... автоматы.

29

Если некий народ ОСОЗНАЛ, ЧТО ХРИСТОС
нужен, дабы служить Господу и Майору,
жить не сможет народ без пещеры Форос
с видом на безопасное море.

«Стать Форосу майорским святилищем впору!».

Если ж дьявол жестокие козни свои,
над Страной измываясь, справляет безмерно
и пещеру Форос, черт безрогий, в «краи»
отдал уж – во владенье *неверным*,

быть великой-великой священной войне –
за пещеру! – сраженьям великим:
дух народа воспрянет вдвойне, и втройне,
направляясь во вне, и во вне,
вызывая Святителей лики:

все – на стенах, на сводах пещеры Форос,
где Святители Князюшку местного мыли,
призывая Христа, каб Христос
освящал в веках ширли-мырли.

30

Если некий народ – ВСЕМ НАРОДАМ БРАТ,
символ братской любви – брат старшой Шурави, –
у него для братьёв есть калаш-автомат
и катюша-роднюша по имени Град:
сокращать расстояния кровной любви.

Нет границ, нет преград,
коль работает Град,
при поддержке лихой калаша:
братским чувством объят,
всё зовет старшОЙ брат:
«Эй, младшОЙ, покажись-ка, душа!»

К узнаванию лиц
ни преград, ни границ,
коли братец-радатель старшОЙ
да к младшОМУ
с открытой душой.

Нет преград – нет границ:
так играл, было, фриц...
Шурави шустрой и верней:
сам играя, друзей научает играть –
невзирая на всё, ни на что не взирать –
впрок планете – Вселенной всей.

31

Если некий народ, НЕВЗИРАЯ НА ВСЁ,
ни на что, никогда невриая,
бесшабашен и весел, угрюм-да-весёл,
он достоин земного рая.
Рай и был изначально. Природа была –
альма мать, в натуре: молочные росы!
Только вдруг охренели мечты и дела:
оказалось, на свете есть исчадия зла:
се – пиндосы и малороссы.
Изначально – увы – малороссы!

Малым сыты сии. Те же – наоборот!
Те, пиндосы, великих изобретений
мастера да умельцы, но... чужды красот
скреп духовных, духовных поползновений.
Как простить то и то?
Как простить тем и тем?!..
Вот оно и неймется народу некоему:
малороссов ли бить, чтоб пиндосов страшить?
Иль... пиндосам во вред... малороссов изжить?
Кто подскажет? О Господи, некому!

32

Если некий народ ОТ НЕВЗГОД
изобрел эликсир братанья,
заслужив у своих господ
пропитание для процветанья,
он невзгоды забыл навек,
он в церквях ставит много свечек,
он един – как один человек,
как зеленый – один – человек.
Льнут, влипают в его объятья,
эликсира глотнув чуток,
кандидаты в народы-братья,
оглашенные наискосок.

33

Если некий народ, ВСЕ НАРОДЫ ЛЮБЯ
(прежде всех – вовлеченные в «общее дело»),
объяснял их потери:
«Да они – сами себя!!!..», –
он, бедняжка, и сам...

сдал себя беспределу.
Утешал себя: мол, беспредел-то – родной,
он – исконный-посконный,
не иноязычный,
держиморды – свои
(хоть суровы порой),
особисты – приличны,
человечки – привычны...
«А т е – сами себя!!! Сами – Голод себе.
Сами – деток в колодцы, соседских малюток,
сами выживших деток приучали робеть –
самоедства пример исключительно жуток...
Их возьмишь проучить – малость, толику, чуть, –
из последних орудий города свои, села
разрушают, кромсают сограждан – о, жуть! –
распинают детишек своих – жрут и солят!..
Не жалеют снарядов последних затем,
чтобы свой расстрелять не автобус, так поезд...
Сами!!! Сами себя изведут!!! Вместе с тем,
соболезновать надо им, гумконвои слать то есть...»

34

Если некий народ – ВСЕМ БРАТ
(со времен полигамий: бывает),
он, к братанью добавив мат,
рьяно к матери всюду взывает.
Ко всему, затем, воссияв,
став носителем – вдруг! – благодати,
огромнейший нимб свой он, сняв,
Госпопу передал очень кстати.
Громыхает светлейше нимб,

планетарно звенит, вдохновляя
жутких париев, томных нимф, –
всех духовно везде окормляя.
Почему же, ну почему –
пробегают мороз по коже –
в небесах на сию кутерьму
грозно хмурится Матерь Божья?

35

Если некий народ СВОЙ ЗАКОН-ТАЙГА
для народов имплементирует,
принимают народы закон-тайга:
мол, поскольку имплементирован.

Сам же ушлый народ,
как и прежде, живет
по первичному –
по кондовому:
и добычу ведет,
и умов обмолот –
сверх сезонов,
имея сверхдодовы.

Мир, хоть пользует версию с имплементацией,
но потворствует и экзотической:
мир доверчив, подвержен прострации,
отаёженно-демократический.

36

Если некий народ РОДИНУ РАСШИРЯЛ,
необъятную Родину-мать,
он урок расширения всем такой преподал,
что в Галактиках старых умом не понять.
Расширительством разве назвать.

Ибо Родина – *родит*. Однажды – *родит*.
От щедрот своих. Знал о том Лев Гумилев.
Энергетикой жизни народ одарит
и привяжет к себе
без вервей, без оков.

Поначалу бывают народы легки
за пределы ходить
(чтоб пределы понять).
Но НАРОДИЩА – ВЕЧНЫЕ ХОДОКИ?
Те, которым везде бы – их «Родина-мать»?
Где поссал, побузил – там её и сыскать?!..
Даже в новых Галактиках о таких не слышать.

Речь – понятное дело – о *народа корнях*,
о движении вглубь, постиженьи себя,
и на том основании – утвержденьи в веках:
и себя, и соседей своих возлюбя.
Ведь иначе, по азимуту обуян,
превратится народ, будто ветром гоним,
в – человеческий ли? – перекасти-бурьян?
Человечков зеленых квакушечий гимн
потешаться... да будет над ним?

37

Если некий народ ПЕРЕШЕЛ РУБИКОН
где-то возле повернутой вспять реки,
чувством братства народов изрядно влеком,
он гласит: «Вперед, дураки!».
«Дураки» – шутки ради так беззаветных зовет
сыновей своих, дочерей –
тех, которые знают одно лишь «Вперед!»
(с примечаньем к нему: «Поскорей!»).
Знамо: «Время – вперед!»
А эпоха – назад!
И пространство – назад,
к Родине-матери:
прирастает простраством
родимая Родина-мать,
не нарадуются люди матерно.
Время можно потом ведь при-о-ста-но-вить,
а в пространствах – угодыя охотничьи,
полигоны для воинства учредить:
восхищеньице – выше моченьки!
Ибо смело народ перешел Рубикон
(со стрелялками-то братолюбия!).
Для пристрелки годятся копёр, террикон
(а в победном итоге любой террикон –
постамент для любого орудия):
где-то возле ушедшей под землю реки
там, где братства народов корни, ох, глубоки!

38

Если некий народ ЗАПЛУТАЛ В СВОИХ ТЕРРИТОРИЯХ
и в подшефных народах своих растворяется подшофе,
он чужих территорий возжаждет, поймет чужую историю,
для героев своих совершенствуя галифе.

Галифе!..

Галифе – от красот,
чужестранных красот, но исконнейших –
облачение витязю,
иже почвенник витязь и хват,
и носитель щедрот
богоноснейший и благосклоннейший –
самый мирный в мирах –
автохтонам любым
друг, товарищ, и старший брат.

Галифе – навигатор!

В приближении первом – датчик.

В самом первом, первейшем, –

чуткий парус болотных путей;

символ верной любви

и любовной добычи удачной,

воплощенный триумф-*ф-ф-ф*,

даже если вас гонят взашей;

то бишь ветер удачи изменил если вдруг

на (прискорбное) время,

и, тудей-растудей, вас туды-растуды

понесло... где забыта...

забитая ваша деревня.

39

Если некий народ О СЕБЕ ВОЗОМНИЛ
(потому, что ему ВНУШИЛИ)...
он, болезный, в себе... хромо-сому открыл...
особливой духовной силы.
Вдохновясь, он духовные скрепы кует
на заводах своей *наступалки*
(*наступалку* свою оборонкой зовет –
словоблудий веселый сталкер).
Силой духа привычно, изрядно томим,
загружает духовные скрепы
в караваны машин, белых-белых машин;
загрузить – проще пареной репы.
И везут, куда надо, там в три смены куют
мастера – кузнецы братаний.
Нету крепче тех скреп, и надежен маршрут:
навигатора вместо хромо-сомы ведут
колеею Предначертаний.

40

Если некий народ
БЕЛОЙ-БЕЛОЙ, БЕЛЕЙШЕЙ КРАСКОЙ
красит фуры – гуманитарнейшей миссии ради, –
он достоин патента на изобретение краски-безопаски –
даже если финского производства
краска данная (только импорта ради).

В белых фурах снарядов черных и чернейших орудий
видимо-невидимо, считано-неисчислимо,
сонмы человечков самых зеленых,

самых-самых рептильных мудей,
самых-самых миссионеров,
глазеющих не мимо.

Библейским белым одеждам
в подражание эти фуры в колоннах.
Братолюбия ради пальба сия –
в целях вразумления народов-братьев.
Бог – христианский, поповский,
вознаграждает же – Мамона:
белые-белые фуры,
но полным-полны, коробушки,
ох, по возвращении обратно.

41

Если некий народ ПРИВСТАЕТ С КОЛЕН,
да не сам при том – со Страною вместе,
Господом он, Народище, благословлен
и вожди его, знамо, на видном месте.

Привстает не спеша он, народ-сюзерен
(с бодуна – как пить дать – оклемается!),
но народов-братьёв ожидая измен,
за «калаш» незаметно немедля хватается.

Улыбаясь приветливо, хоть и с дрожью в ногах,
полусогнутых всё еще ноженьках,
четко пятится к танку он и – трах-тах-тах! –
по изменникам бьет ради Боженьки.

Бьет прямою наводкой, бьет издалека,
услаждая воображение,

выжигает измену, и добыча – легка! –
знаменует *врага* поражение.

Встав с колен, без добычи никак не прожить,
не сплясать – на прямых-то! –
в Большом-пребольшом театре,
в дело дружбы народов новый вклад не вложить,
мир народов-врагов не послать буквы на три...

42

Если некий народ ИЗОБРЕЛ ВСЕ СТРЕЛЯЛКИ ТАКИЕ,
что народам несут благодать,
и защиту, и право на труд,
он, смысленыш, старатель, радетель активный,
к применению их неустанный чувствует зуд.

Озаряется небо ночное огнями,
вернее и краше бенгальских;
поутрянке грохочут все те ж небеса
от все тех же огней:
будто Тютчева гром и гроза
дней первых майских!
И народы выносят навстречу
цветы и детей.

Ведь стрелялки сии
Госпопом громко благословленны,
и на каждом снаряде
надпись мелом гласит: «Миру – мир!»
Чудо вечной весны
в них заложено неимоверное:

призабудет наводчик –
напомнит ему командир.

43

Если некий народ – ИСКОННЫЙ ИГРОК,
а пуще всего играет словами,
он всегда и однажды сыграет впрок –
для себя самого и для Родины-мамы.

Он на смыслах играет,
как на скрипке цыган,
«Миру – мир!» – на танке рисует.
И упитанный мир рукоплещет, болван.
Знать потрачена краска не все!

Он «республикой» вдруг называет *всурьёз*
пацанов-автоматчиков ушлых *бригаду*,
он вождю приподносит миллион алых роз:
столько лет пожелав вождю
за вожденье в награду.

Ведь вожденье вождево состоит также в том,
чтоб словами играть, всем пример подавая:
как, словами играя, возвышать моветон,
лавры мира стяжать как, словами играя.

44

Если некий народ ВОЗЛЮБИЛ СВОЙ ЯЗЫК
пуще всех на том языке созданий,
он иных языков чтить никак не привык
и несет свой язык как победное знамя.

Водружает то знамя везде и всегда:

«Выше знамя на горах тел-то!»

«Водружающим – слава!»

«Даёшь города!»

«Автохтонная песенка – спета!»

Так радея, большущий-великий народ
(много бед своих при том дребеденя),
бандюков почитает в роли светлых господ,
а у тех... не язык – феня...

Вот те на! Обана!

Языку-то... – хана?

Феня – вместо – звучит зычно.

И народ-сумасброд,

хоть по-прежнему горд,

уж де-факто... фенезычный?!..

Феня фенечки шустро и рьяно плодит,
мысли, чувства тончайшие отданы фене.

Феня правит, рядит, феня славит и чтит.

Что ж – язык? Не претит перемене.

Отдыхает великий-могучий и рад
поблистать на высотах, где длится пир духа.
Что ж – народ? Сей всю прославляет парад,
где «побед языка» транспаранты:
«Нам – пруха!»

45

Если некий народ ДЕМОКРАТИЮ НАРОДНУЮ
изобрел – демократии вместо – для
народов им освобождаемых, защищаемых, мля,
он её, путеводную, он её, кукловодную,
холил, подкармливал, прославлял...
И вменил тем народам её рьяно пестовать,
высоко над миром нести её стязи –
стязи ДЕМОКРАТИИ НАРОДНОЙ
демократии вместо:
ибо народ – всему голова,
если во главе его – Штази.

46

Если некий народ САМ УМНЕЕ СЕБЯ
(знамо, задним умом в отношеньи переднего),
он, за ум свой задний себя возлюбя,
избегает влияния вредного;

избегает задним, вестимо, числом,
упреждая излишних прозрений тьмищу,
чтоб себе не в обиду и себе не во зло
подластить духовную пищу.

Ум передний? Увы, это – удаль его,
бесшабашного в прошлом народа-шабашника,
также – страсть к послушанию, что превыше всего
(даже если орет атаман обезбашенный).

Ах, духовная пища! Передний-то ум
добывает для пищи духовной продукты-то:

по дороге к Стамбулу,
посещая Арзрум,
в Кенигсберге чудно вопрошая: «Ану, ты – кто?!»

Ах – передним умом!..
Чтобы – задним умом!..
Чтобы миру нести и дарить свою мудрость!
И не знать угрызений, покидая свой дом,
дабы где-то чужую духовную скудость
опознать, уличать, навсегда обличить
да помочь скорым образом... в общем
из-жить...

47

Если некий народ своей ВЕЛИЧАЙШЕЙ КУЛЬТУРЫ
верхний слой то сдирал, то сжигал, истреблял,
он ее, величайшую, истребляя, в натуре,
ради славы своей потреблял.

Верхний слой тот едва успевал возродиться,
тонкокожесть свою залечить,
как радетель-народ уж спешил изловчиться,
ополчиться, зажечься, собой возгордиться –
сжечь дворцы, пианины разбить.

Всякий раз выгорало, больней истончалось,
в пользу грозных-угрюмых перераспределялось,
только слава, ах, слава, ох, слава,
будто нимб над святым,
будто как бы сияла, сияет над ним,
над народищем ушлым,

величая и славя:

мол, великой культуры народ,

будьте вежливы с ним.

48

Если некий народ, НЕ ЧИТАВ, ПЕРЕВРАЛ

Слово Божье – выгоды ради –

он, бедовый, резвясь, сам себя опускал:

облажался! при всем параде!

Слово Божье, оно ведь – не в чин Госпопу,

не для воинства-мародерства,

не для братьев-славян азиатский гарпун –

лишь для нашего с образом божеским сходства.

Значит, выгода, если она не трудом,

не рачительством собственным к благу приводит,

есть разбой, кровопийство и дорога в дурдом,

где глупейший умнейших в палате разводит?

(«Лацис» там «Македонских» в три счета низводит

и «Малюта Скуратов» «Хрущева» заводит).

Вот оно – мести дно.

Мести Божьей – вестимо.

Той, которая в общем итоге – не мимо.

Искупить этот грех можно лишь всенародно;

для начала же, знать, Богу будет угодно

низвести тех, кто первым посмел,

шкурной выгоды ради,

преступить беспредел –

переврать Евангелий тетради.

49

Если некий народ БЕЗ НАРОДА ВРАГОВ
путь продолжил к Большой Благодати,
всё равно на пути том, бесом влеком,
будет,
есть –
хоть замри кувыркком, –
да,
НАЦИОНАЛ-ПРЕДАТЕЛЬ.
Может быть он в гостинице «Националь»,
может слыть на подходе к «Думе»,
в Благовещенске скрыться, в китайском, враль,
в не-китайском скрываться Арзруме...
Потому-то – и надо!
И при том – навсегда!
Бдеть-балдеть на пути к общей славе!
Потому и поет своя поп-звезда
Гимн – Вождю,
марш походный – Державе!

50

Если некий народ ОТ ВОЖДЯ ДА К ВОЖДЮ
всё тучнеет, плодится, мудреет,
он себя – *здесь и час!* – своему вождю
отдает не щадя – не жалеет!
А чего и жалеть-то,
если цели – ясны,
и задачи поставлены,
и известно решенье,
и сидят на постах на своих пацаны,

пресекая умов брожение.
От брожения умов ведь
не прибудет колбас,
не прибавится вовсе бражули,
но возникнет какой-нибудь...
Карабас-Барабас:
да, родится от Хунты – а хули!

51

Если некий народ ИЗОБРЕЛ РЕФЕРЕНДУМ УЛИЧНЫЙ,
чтобы в странах соседних
справедливость восстановить,
в городах, в деревнях ли,
широкие ль, узкие ль улочки
прихорашивать тамошний люд поспешит.

Референдум-то уличный –
он ведь не только
для девок уличных:
бюллетенной бумаги рулон
впрок да будет везде завезен.
Туалетных кабин –
айн-цвай-драй! – ряд один
(для начала – один)
быть поставлен должон.

Превращаются враз –
хоть кому напоказ –
те кабины в кабинки:
вчера – испражнение,
а сегодня – коль стукнул час –

изъявление...

Изъявление – черт возьми! – воли:

к исправленью юдоли.

Образцы изъявлений висят на штыках,

аккуратно наколоты;

обновляется мир впопыхах,

как завещал Молотов.

52

Если некий народ ОТ СВОИХ ОТ ЩЕДРОТ

помогает им же созданным странам,

он весну им приносит на целый год,

продлевает ее неустанно.

Пусть лихие морозы, пурга на дворе,

но уж коль обещал и молвил,

майский гром обеспечит и в декабре,

в январе – блеск июльских молний...

Лепота! С благодатью-то – и лепота!

И не стоит понюшки вражеский лепет:

мол, весна затяжная, март не тешит кота,

кошке – по барабану мартовский трепет...

Враг есть враг. Он нацизмом, фашизмом объят,

жрет младенцев – свидетель тому *чиливи́зор*;

неприемлем ему даже дружеский мат,

не священны священные ризы.

Всем врагам – поделом! Всем друзьям – ордена,

с орденами и ленточки, и икорка.

Странам изобретенным благодарна Страна:

скреп духовных малиновый звон до темна,

крепит скрепы хмельная обжорка.

53

Если некий народ ОГОЛТЕЛО
объявляет душою тело
и духовной – кровавую пищу,
его речи подобны... свищу?
Хоть язык у него – самый-самый –
и большой, и великий-могучий,
в каждой фразе – забота о маме,
и никто ту заботу не ссучит, –
объявляя тело душою
и жратву – духовною пищей
(а войнушку – антивойною),
он, бедовый, рискует стать нищим
перво-наперво в смысле духовном
(силу духа чтя в динамите),
а затем, ох, затем, безусловно,
в отношении жрачки лимитов.
Утешением – впрочем, немалым –
возвышается в сердце народном,
в миллионной душе экстремалов...
что?.. почто? Неужели... исходный
оголтелости памятник вечный
некто грозный Малюта увечный?!..

54

Если некий народ ОБМАНУЛ САМ СЕБЯ,
обманул раз, обманул дважды...
он, болезный, себя *оченно* возлюбя,
станет врать себе в понедельник каждый.
В каждый Новый Год – по-большому врать,

и по праздникам – в прочной дозе,
Слово Божие умственно перевирать,
применять соответственно... якобы к пользе.
Горемычному знать бы да ведать ему,
что обманом добытая польза
в днях грядущих сулит не тюрьму, так суму,
и немилость Деда Мороза...
Дед Мороз, он хоть – душка, и, в доску, свой,
иногда, правдолюбец, серчает:
гумконвой рассекретив как просто конвой,
зиму ядерную обещает...
Обмануть себя в первый раз очень легко,
и лжемиссия помогает,
и культурно холит элиту Ленком,
но потом... ох, маразм крепчает!

55

Если некий народ НЕ ТУДА
за собой народы повел,
он взгрустнет о том иногда,
но возрадуется: «Привел!»
Будто некий Сусанин-герой,
пролагая труднейший маршрут,
иль ушкуйник какой удалой,
благороднейший тот Робин Гуд, –
бдит народище сей, поводиры:
вправо шаг, влево шаг – на центр!
А по центру шуруй во всю ширь,
выполняй пятисотый процент!
... Не туда? Но тудей-растудей
неустанно шуруй сообща:

то во имя дружеских щей,
то такого же ради борща.

56

Если некий народ МАТЕРЩИННИКОВ АРМИЮ ДВИНЕТ
в земли самых врагов – на защиту святая святых,
воспылают сердца матерщинников и не остынут,
не остынут, покедова
не восславят святая святых.

Матерщинников доблесть в народах окольных известна;
одолеют и доблестью,
и заветною силою слов.
И святая святых утвердится где надо и повсеместно:
чтоб ее освятили и Госпоп, и Госбогослов.

Матерщинников армия ибо
есть плоть от духа народа.
Богоносец-народ матерщинной молитвой силен,
и какая бы ни была
за окном аль в Гей-ропе погода,
матерщинников армия
солнцу льстит красотою колон.

57

Если некий народ МОЛОД СЕРДЦЕМ, ДУШОЙ
и лишен предрассудков начисто,
он и немцу докажет, что есть «карашью»:
первым делом –
снохачество.

Есть сноха, есть снохач,
аки конь в борозде:
ублажает свекор невестку-то!
Ублажает вовсю, ублажает везде –
в поученье ль сынку, аль в отместку-то?

Плод стараний таких, ублажений таких
общим будет дитё;
мир задорно и востро приветствуя,
в мир пойдет налегке для свершений лихих –
нипочем ему встречные бедствия.

Завсегда – нипочем!
Мировым снохачом
дважды-сын предстанет воочию:
сын народа при том,
братолюбьем влеком,
пустит по миру многие вотчины.

58

Если некий народ ЮБИЛЕЕВ И ДАТ
накопил много больше, чем в году дней,
можно те юбилеи объединять
ради блага людей,
вящей пользы людей.

Если два юбилея, а лучше три,
поутрянке встречают барбоса тебя,
ты гордишься воочию и балдеешь внутри,
приближаясь к шеренгам суровых ребят.

Всенароднейших праздненств смыкается рябь
над головушкой праздной от мыслей, забот,
и от края до края «ура!» да «ур-ря!»
колыхает, вздымает и движет народ.

От победы к победе мздоимцы ведут,
подпевают попы ради святости дней,
и салют в небесах догоняет салют –
и весомее нету, и нету родней.

59

Если некий народ ПЕРЕПЛЮНУЛ СЕБЯ
и вокруг планеты с приветом пустился,
он, рубаха, шустряк, миролюбьем объят,
сам на свой же плевок наразился.

От обиды и речь, и язык потеряв,
возопил, зарычал, будто гей на параше:
«Ах, вы – так?! Вы плевать нам в глаза по чем зря,
мать, бабушку, внученьку вашу!...»

В гневе праведном праведно ринулся мстить,
надавал по башкам обидчикам местным:
чтобы помнили, значит, что значит «едриттт!»,
а от местных узнали б о том и окрестные.

Поделом? Поделом! Возвращаться не стал.
Не спешит возвращаться: расследует ДЕЛО.
В добрый час переплюнул. Да не расхлебал
местных фобий стряпню, хоть и действовал смело.

60

Если некий народ ДИВЕРСАНТОВ СВОИХ
называет вежливыми человечками,
он такого, блин, гуманизма достиг,
что ему не претит человечина.

Диверсанты пошли – огнеметы ввели,
пахнут степи, кварталы жареным.
Жарки роды р-р-республик,
ой люли да люли!
Высока цель – не место жалости.

Выше цели в сем мире, мол, и не бывает:
коль республики-то – народнейшие.
Потому звучит вежливо самый строгий мат –
пеленательно,
благороднейше.

Человечков вежливых не редет строй,
бесшевропно идут, улыбаются.
Ибо каждый – в натуре – народный герой,
и о каждом легенда уж бается.

61

Если некий народ ОГЛОЕДАМ СВОИМ,
недоумкам своим, пришибеям своим
над собою даст власть, шутки ради,
он, сердешный шутник, шутовством одержим,
подпеваает властям: шутки ради.

«Власть от Бога!» – поёт,
«Всяка всяко!» – орет,
подхихикивая в армячишко...
В телогрейку хихинув,
жутко кровью плюет,
мужичонка, ростом с мальчишку.

Между тем оглоеды – двухметровая статья,
недоумки – всех крепче лбами,
пришибеи – карлуши, но Родину-мать
расширять горазды ночами.

Между тем,
подпевая тем, этим и тем,
иссякает голос народный
и сипит, и фальцетит, нисходит совсем,
ни на что речевое,
увы, непригодный.

Разве что... оглоедство вовсю воспевать,
потакать скудоумию – мудрости высшей,
пришибеев-карлуш бдительность понимать,
воскликать, что вокруг всё обилием дышет.

62

Если некий народ ОТ СВОИХ КАЗНОКРАДОВ
мало требует, скромный народ-патриот:
к устрашению мира – военных парадов,
к *праздничку* – поздравлений
и немножечко льгот, –
ох, народ! –

он с парадов тех грозных
уходит сурово на бойню:
ради будто бы новых доходов казны,
расширения Родины ради привольной,
справедливейшей ради – духовной – войны.

Казнокрады, жирея,
инвалидов жалеют,
приглашают к трибуне,
чтобы жаловать ленту с плеча;
и цветочек гвоздика –
цветик крестный – почти что не дико,
славно рдеет в петлицах –
не как кровь от руки палача.

63

Если некий народ САМ СЕБЕ НЕ ДУРАК,
никому в общем не простофиля,
для него держит Боженька лучший барак
в центре рая
в кондовом стиле.

«По мощам – и елей,
Господи, не жалеи!» –
молвил кто-то о ком-то сурово:
тоже не дуралей
(но и не прохиндей,
не пастух священной коровы).

Держит Боженька? Пусть!
Заучил наизусть
бедный Боженька-то

не те даты:
возраст-то приписал
царь народу (*царь-псарь* –
как заметил Шевченко когда-то).

64

«Но арестованный Каспаров
ментам не отказал в сеансе...»

Народная песня народа 2010-х г.г.

Если некий народ ШАХМАТИСТОВ СВОИХ,
чемпионов своих,
почитает ниже майоров,
(мол, майор – он стратег,
даже если он – псих),
овладеет народом майоров свора.

Мол, на десять ходов, на пятнадцать ходов
просчитывать нам... зачем?
Ать-два, р-раз! – и вперед,
завсегда будь готов! –
в смысле ратном и вообще.

И менты, полисмены почти, всё ж – менты.
Автозак у них, словно капкан,
руки крепкие, но... с чемпионом на «ты»
не велит господин капитан.

Капитан просит дать вслепую сеанс:
вот уж досок собрали пяток.
«Мы здесь хоть «мусора»,

но для Вас – перформанс:
почитатели, в добрый срок!..»

Был вслепую сеанс –
«ох!» да «ах!» – в темпе блиц.
Трепыхался старлей дольше всех.
Капитан первым пал,
но от счастья сиял,
понимая всеобщий успех.

65

Если некий народ РОДИНУ РАСШИРЯТЬ
полюбил пуще всех иных развлечений,
он в сезон отпусков не проведает мать,
сам себе откажет в лечении –
только бы расширять, расширять, расширять,
забивать *духовныя* скрепы,
небеса озарять, озарять, озарять,
скрепы в небе – проще пареной репы.

Проще пареной репы, но ярче бенгальских огней
в новом небе ночном извечные скрепы-залпы!..
Новый кусок Родины
всех старых кусков вкусней и родней –
благодарным потомкам о том не забывать бы!..

... «Малец, к борьбе за дело
расширения Необъятной Родины будь готов!» –
«Завсегда готов!» –
отзывается, сознательный,
в материнской утробе...
... А коль полег отпускник,

передвижной крематорий готов:
никакой гроб ничье изображение
да не коробит!

66

Если некий народ – САМЫЙ-САМЫЙ МИРНЫЙ
(потому, что мирный самый-самый),
он снаряды, бомбы и гранаты, мины
со складов низвержет в сопредельны страны:
место на складах освобождая
для новейших образцов – мирнейших,
напевая песнь про дар Валдая,
песней той себя и мир весь тешит.
Мир балдеет – от души – в натуре,
взрывы и руины не мешают
приобщиться – миру-то – к Культуре,
той, что в мире самая большая.

67

Если некий народ, РАЗМЫШЛЯЯ ПОДОЛГУ,
сам себя убедит, сам себя убеждая
в том, что в жизни всегда и везде
есть место подвигу,
он героев рождает, сам себя возрождая.

Льнет к герою герой
(не вечерней порой!)
не в колонне лишь,
но и также в шеренге...
И хоть слава слывет подчас стороной,
изъяснясь на приграничном сленге,

место подвигов новых подскажет сержант
(от сержанта таить майор не захочет)...
И не лишь о квартире, где деньги лежат,
но и также о крае, где вагоны стоят,
сердце лихо, геройски клокочет.

68

Если некий народ ТО ЛОВИЛ БУМЕРАНГ,
то строгал бумеранг без особого толку,
он, болезный, однажды поймал бумеранг
(если честно признаться, стибрил тот бумеранг... –
дуру с ядерной боеголовкой!).

Но решил, что достался *такой* бумеранг
волей Божьей ему – не иначе –
с целью высшей: повысить свой статус и ранг,
против *про*чих народов возвыситься паче.

«Раззудись-ка, плечо, разойдись-ка, рука! –
восхитясь, глаголати нача. –

Третий Глаз, вот приказ:

цель нужна велика.

Чтобы космос оглох от великого плача!» –

Третий Глаз возроптал: «Ты ж не орангутанг,
пораскинь, поразмысли мозгою:

возвратясь, уничтожит нас всех бумеранг.

Жить останутся только изгой».

«Как – изгой?!» «А так: где-то, как-то, – везде,
где не будет ядерной пыли...»

«Замолчи ты! Ослепни!» – и глаз был воздет
то ль на швабру, а то ли на вилы...

А без Третьего Глаза – проказа. И срам:
бумерангом детина во все стороны машет:
то «Где хата?!» – орет, то вопит: «Где – вигвам?!» –
наугад! с высоты параши!

69

Если некий народ НА МИТИНГ ЛОЯЛЬНОСТИ
надежно приходит (там фоткаться жаждет),
и ради лояльности произносит сальности,
желая, чтоб властью услышан был каждый, –
ему ли, народищу с душой широчайшей,
собой не гордиться перед трибуной,
и не пригубить из кухонной чаши
(и не в подражание неким гуннам!)?..

... На кухнях, впрочем, не без сомнений:
насчет распутицы (бишь, непогоды).
Гидрометцентр виноват – несомненно,
но всё равно: «Ско-о-лько наро-о-ода!..»

Шествие Лояльных, венчавшее митинг, –
пример всесоборного режиму «Здрасьте!»
В памяти Площадь – весеннейший термитник,
в памяти – *лояльности сладострастие*.

70

Если некий народ ВМЕСТЕ С НАРОДАМИ БРАТСКИМИ
победил однажды в смертельном бою,
но своими песнями залихватскими
воспевает Победу как токмо свою, –
братским народам что остается?

Можно, конечно же, подпевать,
делать вид, что всё обойдется,
о братстве народов легенды слагать...
А можно – кумекая – все-таки понять,
куда и к чему и зачем с неких пор,
осклабясь, совсем не по-братски клонит
Некоего Народа Верховный Майор,
когда прорицает, улыбистый черт:
«Да все мы с вами – один народ!!!...».
Один – это значит... сегодня и впредь
братским народам – братская смерть:
кто склонен мириться – тем раствориться,
кто воспротивится – тем надломиться,
то бишь, погибнуть под градом снарядов:
за вклад в Победу былую в награду?..

71

Если некий народ ПЛАКАТИК «ГОРДИМСЯ СТРАНОЙ!!!»,
с митинга возвратясь, сохраняет на видном месте,
ко «Второму Шествию» он готов и в мороз, и в зной,
а загадят мухи слова –
их напишет хоть на бересте.

Почему? Потому!
Гордость паче иных забот:
блеск глазам придает,
распрямляет согбенные спины,
и тогда просто с митинга –
хоть и в заморский поход:
не с плакатом одним,
но и с ним, береженным, вестимо.

72

Если некий народ ЗАБАЛДЕЛ ОТ ПОПСЫ,
подпевая да фанатея,
он и в космос внедряет
попсовый посыл,
мегаватт не жалея.

Париковые правят попсы короли,
безморщинные дарят сердца королевы.
Шоумены шаманят, и в воплях лолит
забываются правый и левый.

Но когда возвращаются из забытья,
тот и тот – почерпнув экстримов изрядно, –
ради внешних врагов мирового битья
единятся чинно да ладно.

73

Если некий народ ЗАГОДЯ ПРИУЧИТЬ К РЕАЛИТИ-ШОУ
(шлягернутость при этом намеренно не излечив)...
он, великий народ и создатель культуры
большой-пребольшо-о-ой,
станет верить картинке любой –
не уснув, просыпаться с той верой в ночи.

О распятых младенцах
ему вы наврите с пристрастием
(бабьим голосом врать о них
лучше и проще всего);
показать же достаточно

две штакетинки – крупно – крест-накрест –
и достаточно, –
«взбалтывать» больше не надо его!

О цистернах младенческой крови
в системе штабов отопления
и в резиновых грелках «карателей»,
что под градом шахтерских снарядов
в окопах сидят?
О, то жаждет услышать
потом уж само население –
тут и там, там и тут
(лучше – от пострадавших девчат)...

Крупным планом? Труба, батарея, две грелки...
Жаждой мести нальются-зажгутся гляделки:
миллионы любителей пареной репы
возорут: «Превратим-ка *их* в ядерный пепел!»

74

Если некий народ УВЕРОВАЛ, БУДТО СТРАНЫ ВЕЛИЧИЕ
измеряется площадью загаженных территорий,
умноженной на число танков,
малоуправляемых боеголовок
и суммарную мощность бомб, –
ему ли терпеть отдельных своих граждан
к проблемам такого величия безразличие,
недостаточный у оных
перед чужестранцами апломб?!..

«Да – величию!
Нет – безразличию!

Всенародному нетерпению к нигилистам
сиречь нацпредателям, –
да! да! да!
Транспаранты прямого действия
необходимы опричные!
Прадеды, сажали на кол?
Сегодня на проржавевшие боеголовки
этих сажать –
сегодня, завтра, всегда!!!»

75

Если некий народ ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ
вел марины, ведет субмарины
(иногда – втихаря),
было, есть то не зря:
коль просили защиты пингвины.
Спасены в результате пингвины!
Но... опасности есть.
Их, новейших, не счесть –
в Арктике больше, чем в Антарктиде:
здесь пингвины жили,
прочны в почву вросли,
и на счастье имели все виды...
Только север – не юг:
все фашисты вокруг,
агрессивные пингвинофобы.
Значит, надо идти,
субмарины вести –
свою миссию выполнить чтобы...
... Защитив, отстояв,
опыт свой передав –

ратный опыт, науку победы, –
остаются бойцы,
моряки-удальцы:
помогать осваивать недра.

76

Если некий народ ОПРОСИТЬ ХОТЬ ТОГДА, ХОТЬ ТЕПЕРЬ
на предмет его отношения к ПНР
(Пингвинской Народной Республике),
одобрямс наберет процентов восемьдесят восемь:
воскрешая в памяти Пингвинскую Осень,
к радости мировой прогрессивной публики...

Некоему же народу сия пингвинов страна
не токмо дружна, но и родна,
потому, что нужна:
с тех пор, как сии дети Антарктики
своевременно вдруг
стали коренными в Арктике ...
да, именно здесь
обнаружились днесь
ископаемые всё более полезные...
Защитят их морпехи резвые:
никакие фашисты из стран сопредельных
здесь не всплывут, не пройдут,
не проползут!
Фашистам-пингвиноненавистникам –
вечный капут!

77

Если некий народ ЛЮБИТ ЗИМЫ ДОЛГИЕ,
печку теплую,
клич «Налей!»,
он прищурясь ли,
он спросонок ли,
читит исконных птиц – снегирей.
Да, не страусов – снегирей!

Не Стендаля ли
чтеньем чопорным
просвещен народ навсегда?
Птица белая –
красное с черненьким –
красит веси и города.
Да! Да! Да!

Но когда...
Да, когда
вдруг услышит народ
о народе ином
о жестоком фашистском таком,
что на свой глупый юг
заманив снегирюг,
их третирует ночью и днем:
от кормушек долой
гонит гадкой метлой
пользы ради местных синиц...
все преграды сметет
благоверный народ:
каб повергнуть фашиста ниц!

78

Если некий народ ВДРУГ К ДУХОВНЫМ ИСТОКАМ СВОИМ
по мановению Верховного Майора
в сопредельные страны матерно устремляется,
он, горемыка, бывает тамо
в поисках истоков оных неудержим,
непобедим
(даже если бесшеvronно-разулыбисто
попервоначалу
туды-растуды является).

Все – один к одному –
духовные истоки свои тамо отыскав,
опознав,
забывает в источники
нержавеющие сваи-скрепы,
и тогда... Ах, тогда
в декабре начинается тамо весна
и вокруг круглый год
зеленеют поля пареной репы.

Эшелоны с переписанными учебниками истории
доходят до самых дальних
восстановленных границ,
ощущение духовных истоков
улучшается, углубляется.
И ночное воркование гаубиц-голубиц
с шумом возвращенного моря
томно сливается.

79

Если некий народ, ЧТОБЫ ДВИГАТЬСЯ ВСПЯТЬ,
быв всегда впереди прогресса,
должен всякий раз что-то менять –
герб,
гимн,
флаг...
свободу ли прессы...
он во вкус перемен постоянных войдет
(оставляя всё в лучшем виде) –
от эпохи к эпохе, из года в год,
мировой неустанный лидер.

Постоянство нашед в виде смены вех,
обновляясь
(чтоб не меняться),
на Пути своем верном
к успеху успех
добавляет, в обход всех наций.

Почему? Потому, что исконный враг –
впечатлительный Дьявол-Раскольник –
всякий раз знать не знает:
чей герб, чей флаг
и – по той же причине – «стольник».

Не врубается главный лешак –
ну никак! –
ослепляет его свечение:
смена вех – не пустяк,
а важнейший ништяк:
с ней – и смена обложки Учения.

80

Если некий народ ДВОЙНИКУ ЦАРЯ
улыбается шире: «По-хо-ро-шел!»,
он, исконный народ, превзошел дворян
в царепочитании
и вообшэ.

А ведь чует нутром он, душка-народ,
душонку близкую-то в двойнике,
ушлый народ, народ-сумасброд –
в своей ли деревне, в чужом кишлаке
(«кеш-лаке»?..).

Ну а кондрашкахвати двойника –
взревет, правоверный, словно бунтарь,
с *чиливизорным* сличая наверняка:
«Не настоящий сегодня царь!»

81

Если некий народ СВОИХ ПЕСЬЕГЛАВЦЕВ
узнаёт в *чиливизоре* –
даже пьян вдребадан, –
он призывам их внемлет,
своих песьеглавцев:
куда скажут – пойдет,
полетит, поползет,
протрезвлен,
опьянен,
осиян-н-н...

82

Если некий народ ЕГО ЗНОЙНЫЕ ОТМОРОЗКИ
вдруг начнут совращать
планетарной последней войной:
дабы, мол, защитить
родную тайгу, три березки
и бурлаков, которые
всё идут бечевой, –
аргумент самый веский
бросят, гады, ему, самый ловкий:
дескать... мол...
ты пойми, бракодел, работяга и вор:
в самый раз *развязать*,
пока ржавчина *боеголовки*
не сожрала совсем
(люто жрущая их с давних пор!).
Если новые делать,
затраты, мол, будут большие,
и к тому ж разбежались
головастые инженера...
Значит, впору *дерзать*:
экономим – карман держи шире –
песнь пророчит о том:
«Завтра будет лучше, чем вчера!!!...»
Аргумент впечатляет.
И песня легка на помине.
Поп давно не перечит,
о врагах просвещая приход.
Только... плачет березка.
И птичка поет на калине...

Мир *на грани* прекрасней:
ты согласен, бедовый народ?

83

Если некий народ ВОЖДИ ВСЁ-ТАКИ ИСКУСИЛИ
перспективой ближайшей светлой –
перспективой превращения
в пустыню радиоактивной пыли
с горкой – на месте Нью-Йорка –
радиоактивного пепла, –
то есть мира врагов превращения
ради их – врагов – посрамления,
им за все их ленд-лизы да перезагрузки отмщения,
собственного же ради
по той причине утешения... –
он, народ-доброхот,
ратного духа исполнится
и погреб-убежище копать начнет:
а вдруг вражина успеет опомниться?
вдруг ответку пепелящую не медля пришлет?

84

Если некий народ ВОЖДИ НАУЧИЛИ
менять местами следствия и причины,
причины и следствия всё местами менять,
чтобы кого-то всегда – хоть бы что – обвинять,
а обвинив, с каждым днем обвиняя,
иль покорять, присоединяя,
иль насмерть карать:
за «предательство дружбы»,
отсутствие вклада в «общие нужды»...

Присоединенных же... обучать...
причины и следствия местами менять...
Рано иль поздно – в конце-то концов! –
устанет народ от вождей-стервецов?

85

Если некий народ В СЕРИАЛАХ СВОИХ
почти растворился,
истекая слезою,
будто свеча на ветру,
он в осадок мог выпасть,
но войнушкою исцелился,
и войнушкой воспрял
в темную ночь поутру.

Человечков зеленых
из себя по ночам изрыгая,
словно в комиксе детском
какой-нибудь Шайзерай,
человечков зеленых
при юпитерах награждая,
оживился настолько,
что в глазах его светится рай.

И хотя ад кровавый
человечки зеленые по миру сеют,
он в свои сериалы
возвращается ранней порой.
Человечки тем часом
минируют где-то посеvy,

совершенствуя там и пейзаж,
и общественный строй.

86

Если некий народ В МИРЕ САМЫМ ЧИТАЮЩИМ
слыл,

он ли в мире самым мигающим
стал?

Ему ли с лапшой на ушах совладать?

А ему ли, в натуре, душу майору отдать?

И ему ли, горемычному,

петляя промеж необъятных охотничьих угодий,

повстречать в темном бору

свору антиблагородий?

То не о нем ли тужит-причитает

на суку филин?

А и не о нем ли походя изображает

на суке кобель?

На суке кобель да на политканале каналья,

каналью, насупротив сидящую,

нарочито-показушно восхваляя (проклиная)?..

87

Если некий народ, ПОДУСТАЛ ОТ ПРИСЯГИ,

(*чиливизору* дав её!),

он горазд оклематься, прозреть: «Ё-мое:

ведь кормил-то вождей... – для Гааги?!...»

Так кормили, бывало, в личном хозяйстве

деды-прадеды свинку, – любя,

и любили, при полном своем разгильдяйстве,
вряд ли меньше самих себя.

(Рассказал нам Войнович о борове Борьке –
долгожителе, старике,
иже был тот Борька ушлый и бойкий,
от чекистов бежал налегке).

Терпеливый народ, и кормить не устанет;
не накормит – так попасет...
Сказка-присказка всё же когда-нибудь грянет,
и народ... сам себя спасет?

88

Если некий народ ПЕРЕНЕС ОДОБРЯМС
и подверг себя вдруг ПРОЗРЕНИЮ,
вождь и свита, волк брянский,
весь Брянск-партизанск, –
содрогнутся от невезения.
Коллективных прозрений шальная страда:
вся действительность – Наоборотина!
Тайны явь разразит!
Рыла – язвы стыда
поразят краснухой, о, Родина!
ОДОБРЯМСА ВСЕОБЩЕГО
радость в пятки уйдет,
ко благому удовлетворению,
и долбить всех начнет
(кой-кого – задолбёт!)
КОЛЛЕКТИВНЕЙШЕЕ прозрение:
ради адресного презрения.

Адреса – ровен час –
те ж: Олимп да Парнас.
От презрения к низвержению
тот же НЕКИЙ НАРОД,
что смотрел гадам в рот,
перейдет:
умов ради брожения!

88:12,
ИЛИ
К народу двенадцати процентному

Не-басня; вместо эпилога

Андрею Макаревичу посвящается

Планктон двуногий сантименты
похерил, бляя во Христе.
Народ двенадцати процентный
не поддается простоте.

Толстого гений в сем народе,
попсою топтанный, живет,
живет и зрит не по погоде
и не шерстит чужих широт.

Но так силен напор планктона,
что пал толстовский сантимент:
смял Каратаева Платона
восемьдесят восьмой процент.

Планктон ликует: две восьмерки
символизируют... планктон!
Четыре дырки всех времен!
Залог стабильнейшей обжорки!

И всё ж, и всё ж... Да, всё же, всё же
двенадцатипроцентный – есть!
Стоит пока. И зрит. Но... гложет
планктон двуногий его честь?..

... Планктон двуногий! Точит зубки,
хвост наострил – ну, рыба-меч!
Язык? Велик! Всеобща речь!
Готов планктон к последней рубке.

**Ни империю разрушить (увы!),
ни «российским классиком»
стать (тем паче),
или
В поисках утраченного народа**

Не совсем обязательное авторское послесловие

«Русская идея всегда ведет к одному – к необходимости намотать чужие кишки на гусеницы танков... С Россией все понятно – она хочет оставаться в роли доисторического динозавра, упрямо отказывающегося эволюционировать. Украина же решила пойти по пути эволюции, чем и вызвала у нашего динозавра дикую ярость».

**Александр Невзоров, «Бульвар Гордона»,
2014, №29.**

В литературе многие концептуальные по существу вещи изначально возникают спонтанно, а то и вовсе шутки ли, полемического задора ли ради. Так произошло и с моими первыми стихотворными экзерсисами на русском языке. Не раз и не дважды объяснивший в своих статьях себе и коллегам ту очевидную для меня истину, что *поэт – галерник родного языка (мовы!)* и что 99% т. н. русскоязычной стихотворной продукции в Украине вторичны по своей природе (1% отдав тем, кто переехал из России и живет воспоминаниями), я вдруг как-то ближе к середине 1990-х очень легко, играючи, «наваял» сразу... несколько циклов пародийных полемических частушек. Кажется, первым был цикл... «Новоросские частушки» (!!!), опубликованный в одесских украиноязычных (!!!) «Черноморських новинах» в пике тамошнему теоретику этого самого «новороссийства» проф. Сурилову; «В чашке квасу тюльки две мелкими полосками: новоросс изобретает блюда новоросские!»

– это оттуда. Время взывало к полемике именно с этнологическим акцентом: явление деструктивных в отношении к автохтонам интерфронтов, плачи о «разбросанных саатечественниках», коим и по сегодняшней день имперской Москвой вменяется роль эдаких «тройных лошадок», «мешковщина» в Крыму – все то, что немного позже подвигало президента Кучму на его многостраничное авторское свершение под крылатым названием «Украина – не Россия!», двигало и моим скромно-нескромным пером пародиста-пересмешника. Подвигая к провидческому: «От Курил и до Карпат / Нас обидеть нороят: / Обижают, обижают - / Ноют, стонут и вопят! От Курил и до Карпат / Наш благоухает мат. / Только западне Чопа / «Зачопиться» нороят...»

Необходимость полемизировать с идеологическим неприятелем на его «семантическом поле» подсказывалась и бытовыми ситуациями «двухязычного» общения, когда и самую доходчивую украинскую речь сознание оппонента автоматически блокирует при помощи некоего «валуевского реле»..

К началу 2003-го частушек и разножанровых стихотворений подсобралось на сборничек в 5 авторских листов: «Месячник России» – было дано ему название. Название месяцу – мажор. Место месяцу определено 13, продолжительность – 32 дня: 4 недели + 4 дня. Соответственно структура сборника: три вступительных, одно заключительное стихотворение, а посредине – четыре «недельных» цикла: «Неделя эксклюзивной ностальгии», «Неделя величаемой культуры», «Неделя заколоченной деревни», «Забубенная неделя». Уже по своему названию «Месячник» должен был являть пародийный отклик на объявленный Год России в Украине, а содержание циклов – возвращать Белокаменную от назойливых экспансионистских поползновений к проблемам внутреннего обустройства собственной страны. Поскольку ведь и все предыдущие 350 разве не были годами России в Украине?..

По внутреннему ощущению, работа над «Месячником» оказалась изнурительной. Открылось вдруг, что даже пародируя и перевирая (а ведь кроме перевираций в сборнике имелся цикл «эксклюзивной ностальгии по сокровенной России!»), поэт неминуемо *отдается* избранному языку. Пародировать язык (вопреки наивно-

му замечанию одной винницкой русопятки) нельзя. Речевые стили, потоки – можно. Языку – только отдаваться! Одно слово, ни о каком продолжении карьеры «русскоязычного поэта» я в то время не помышлял. Несмотря на положительные (и поощрительные!) печатные отзывы авторитетных критиков Валентины Соболев, Е. Барана, Ю. Цекова (последний даже поместил обширную подборку стихотворений из «Месячника» в журнале «Науковий світ») не помышлял категорически! Считал исчерпанными и основные мотивы, и собственные применительно к ним авторские возможности...

Но грянул 2010-й, а с ним т. н. «Харьковские соглашения»; воцарилось правительство с несколькими гражданами России на ключевых постах, оглушительно зазвучали идеи создания общего учебника истории, общей ГТС, общего футбольного чемпионата по футболу, общего культурного и вообще интеграционного пространства т. н. «русского мира» с его де-факто тоталитарными «духовными скрепами», повелительно зазвучал косноязычный донецкий новояз... И еще много-много глупостей, подлостей и пошлостей, включая законодательное возвышение якобы регионального русского языка над государственным украинским, проведенное по методу «мы развели их, как котят» (дословная цитата-посткомментарий из скипера т. н. «регионалов» М. Чечетова)... И все это – под несокрушимый кремлевский одобрямс, с параллельным разгромом в Москве библиотеки украинской литературы, реформированием единственного Общества украинцев России и существенной многосторонней поддержкой многочисленных русских номинально культурных, а де-факто политических организаций в Украине...

Первые русскоязычные рифмованные записи, появившиеся в моем блокноте на сей раз, принадлежали жанру эпиграммы. А уже с начала 2013-го активно писался сборник под малопонятным, наверно, сегодня названием «Из Украины с сочувствием». Сочувствие, однако, мыслилось требовательное: удручающие приметы браваурного возвращения огромной «братской» страны в исторический тупик агрессивного совка, столь рьяно проявившееся в недавней антигрузинской войне, агитпроповский примитивизм тотального масскульта тревожили, озадачивали, взывали. Летний эпизод

с великодержавным военным тараном рыбацкого суденышка из Мариуполя, выложенный в интернете, поражал глубиной накапливаемой антиукраинской ненависти и жестокости. Символический, кстати, эпизод: жертвы были объявлены злостными преступниками, трое утонули, а четвертый – Александр Федорович – задержан, предназначен, предстать перед судом (предвосхищая сегодняшнюю судьбу Савченко и Синцова)...

Майдан, антимайдан, бегство в Россию донбасской-прокремлевской хунты, бесшевронная интервенция с последующей, до сих пор не прекращающейся ее эскалацией, эскалация тотально лживого, превзошедшего все геббельсовские стандарты украиноненавистничества... К концу 2014-го обширная многоцикловая рукопись предстала вроде бы «исполненной» («исполнен труд, завещанный от Бога»), но название «Из Украины с сочувствием» само собой ушло вовнутрь – к циклу изначальному. На обложке проявилось название двойное: «Что ж ты, Раша-растеряша, тудей-растудей?!.. Сиречь: Фашизаторам Украины». Цикл «Ленивиана» предварительно из рукописи был вычленен и предстал отдельным компактным сборничком, претендующим на итоговое зубоскальское слово в истории собственно Ленинианы. Автор вздохнул с облегчением. Автор во второй раз в своей биографии попрощался с карьерой русскоязычного – пусть и относящего себя к давнему направлению многоязычной полемической литературы украинцев – поэта...

Переключился! Вроде бы целиком сосредоточился над окончательной редакцией книжицы о Голгофе и христианских гранях украинского сознания: «Истина боса, Via Dolorosa»... Ан не тут то было! Телевизор... Нелюбимый ящичек, но всё же: сюжет из российской глубинки на тему девальвации рубля и, соответственно, некоторого продуктового ажиотажа. Супермаркет, старушечка-одуванчик, из тех, на ком все режимы, все вожди ездили и ездить будут в свое светлое будущее, выражает на камеру личное старушечье *понимание* и *готовность*. Звучит фраза: «А как же!.. Мы ведь и Украине помогаем...». С искренней такой убежденностью, с достоинством фраза звучит... И глаза – чистые-честные... О Господи, если это «вата», то – «стерильная»?..

И предстало вдруг передо мной видение многомиллионного, на необъятных территориях разбросанного-заброшенного, единства хоть в чем-то жаждущего, миссии абы-какой взыскующего, *бедового народа у чиливизора* с увесистой липкой лапшой на ушах! И всплыла в памяти фраза памятная, Герману Стерлигову принадлежащая: «Русского народа нет — есть телезрители, а также наркоманы, пьяницы, бляди... » («Бульвар Гордона», 2012, №5). Подумалось: а ведь в этой не совсем логичной формуле великого «Нет» первая категория – так сказать, «чистые телезрители» – не самая безнадежная, не изначально геббельсоидная. И выиграло, ох, в который раз выиграло авторское ретивое полемическое: покажу и докажу! А покажу да докажу я вам, братья (которые-то от слова «брать»!), *элита вы лолитарная*, где вы народ ваш порастеряли, поугробили, прагматизированной, извращенной донельзя религиозностью да фальшивыми теориейками совратив, на откуп неоязычеству, неочертовщине отдали. И будут это поиски народа вашего, вопреки вам частично уцелевшего, в духе поисков Марселем Прустом *утраченного времени*. Только не ностальгические – уж вы простите сына многожды оболганной и бесшевронно атакованной вами Украины – но сатирические. С целью выявить и назвать все узловые потери. В надежде если уж не *дойти до самой сути*, то хотя бы ощутить некую константу морального резерва, не позволяющую народу-обществу всецело отдаться инстинкту планктонного безмыслия, пиратского рашизма-«крымнашизма», издевательски именуемого возвращением к духовным истокам, скрепам духовным...

Мэраб Мамардашвили выявил у Пруста «одну «маниакальную» эмоцию – эмоцию радости». Увы, в моих *поисках утраченного народа* таковой – маниакальной – стала эмоция великой печали. Всё донимал, продолжает донимать вопрос: неужели я, пламенный почитатель русской классики столько обманывался (в последний раз – над страницами «Василия Теркина» А. Твардовского, над многотомным многопудьем «деревенской прозы»), а в своих лекциях мимоходом обманывал других? Неужели правы те, кто сегодня и саму концепцию народности считает тупиковой, реакционной – изначально подогнанной под триаду самодержавие – православие – народность?..

Структурно (пиитически) *поиски утраченного народа* неожиданно для самого автора свелись к самому прочному соединению двух повествовательных приемов – *олицетворения* и *несобственной прямой речи*. Это как бы система координат: по *x* – многомиллионный (!!!) *Он*, по *y* – речевой портрет и психологическое проявление некоего типичного *персонифицированного индивида или социальной (ментальной) общности*. Стилистически – какофония иронии, сарказма, гротеска, гиперболы... Привычная в общем-то для автора какофония, в более привычных темах всегда стремящегося выскочить на спасительную стезю лирического преодоления (аки многолетний тайный эпигон и еще более тайный последователь Тараса Шевченко)...

Так что – вопреки зоильскому замечанию критика, русскоязычность в исполнении украинских поэтов не приветствующего принципиально – мне ни империю разрушить, ни «российским классиком» стать... В поисках утраченного народа пребываючи...

(Хотя, конечно же, в изначальную функцию художественного обобщения верить хочется. Ведь вот у Шевченко в «Кавказе»... там – перечитайте-ка! – имперство, рядящееся под миссионерство, изображено с такой силой выразительности, что – при всей конкретно-исторической узнаваемости Николаевской России с ее тогдашними кавказскими войнами – когда-нибудь в будущем при случае и в иных галактиках опознаваемо будет: ИМПЕРСТВО, ПОД МИССИОНЕРСТВО РЯДЯЩЕЕСЯ)...

P. S. Справедливости ради необходимо признать, что многие исключительно глубокие, выстраданные антиимперские выводы и наблюдения ныне (как и во времена философа Г. Федотова, чья статья 1945 г. «Россия и свобода», будь она введена в учебники, заложила бы основы иммунитета против антиисторизма и волюнтаризма) исходят от умных и совестливых российских аналитиков и публицистов. Четкие, крылатые формулировки о милитарности сознания социальных маргиналов, их потребности в повседневном царепоклонении, о «коллективном Путине», о «Лубянской антинародной республике» и – даже – самые острополемические: о том, что на данный момент «русского народа нет – есть телезрители» (Г. Стерлигов) и что «русская идея всегда ведет к одному – к

необходимости намотать чужие кишки на гусеницы танков» (А. Невзоров) принадлежат людям русским, россиянам...

Прозрение Александра Невзорова, обозвавшего империю историческим динозавром, особо впечатляет и обнадеживает: ведь это он на финише «перестройки» вел казавшуюся во многом реакционной телепрограмму «600 секунд», он был одним из основателей тогдашнего т. н. интерфронтовского движения «Наши», ставившего задачу «защиты «саастечественников» в пику национально-культурным интересам автохтонов в республиках. И вот сегодня посмотрел в корень...

Браво, Невзоров! Браво, эволюция сознания! Одно уточнение: «динозавр наш» все-таки малость эволюционировал. Змеиные повадки, змеиные свойство доприобрел. Мудрость-хитрость: выжидать-поджидать жертву расслабившуюся, доверчивую. Яд смертельный яростно впрыскивать. Яд троякий-то: пропаганда; агенты с диверсантами; грязные деньги коррупционного свойства.

Самотравление ядом избыточным «нашего динозавра» тревожит ничуть не больше, чем крыловскую свинью под дубом (которая «нажравшись желудей...»). Привычка к самоотравлению даже в кайф ему. Вот объявил Украину государством несостоявшимся, а теперь блажит: ни шагу из «Новороссии»! В противном случае наше величайшее состоявшееся развалится! Дескать, не станет фейк-федерации! Нет, чтобы прочитать у М. Стрельбицкого: «Какое богатейшество природы! Какой федеративнейший простор!..» Прочитав же – простор обихаживать, хозяйничать на нем. Земства возрождать... А?

Две главные составляющие яда исходного: 1) Россия = историческая Русь (не согласны были Маркс, Энгельс, Ключевский, С. Соловьев и др., даже Дм. Лихачев); 2) русские и украинцы = один народ. Второе в Украине мгновенно отозвалось: «Московиты и кацапы – тоже один народ!» Дескать, матушку их Золотую Орду в корень!.. Московский геноцид двухкратный Великого Новгорода, истребление псковичей историки вспомнили... А всё – к подтверждению эффекта самотравления ядом глупой пропаганды. Бумерангового эффекта ядовитости избыточной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Дюжина стихотворных записей к циклу
«Из Украины с сочувствием»,
из разных блокнотов извлеченная**

БЕНЕФИС ВАНИ ПЕТУШКОВА СО ТОВАРИЩИ

Ключевского ль читать ли Петушкову

Ключевский прав, и не отчасти:
народ бежал, бежал от власти,
за ним – не отставая – власть,
брящая да хлестая всласть.
Вот так оно всё и сложилось,
у океана стопорилось,
п...плашмя... короною накрылось.
Не раззевай, зырянин, пасть!

Не в вещем, не во сне явление се – чудо Урн Преображения

Не Фавор-гора трезвонится –
вот какое положение:
голосами Урна полнится,
голоса – умов брожение.

Чу! Все искусства изгонятся:
пало свыше вдохновение!
Знамо, всё к единству склонится:
«Урна се – Преображения!»

Петушков у Урны Преображения

Судьбоносно утро раннее
воле-из-явле-ни-я.
Поп благословил заранее
факт Преображения
в Урнах голосов протестных
(глупо протестующих:
против Самых Всем Известных –
перстоуказующих).
Потому-то Ваня смело
ставит «ЗА» – святое дело,
самое привычное,
всему миру зычное.

Народ-исполин, привыкая, привык

Народ-исполин привыкает
к вождей череде духовных:
сменяет карлика карлик
в вожденьи к вершинам тем горним,
где пику светит названье
в будущем самом светлом:
Пик Петушкова Вани –
пусть даже под атомным пеплом.

2013

О братстве славянском азовская сказка-2013, не при Сноудене будь рассказана, или Сказке сказок – песец и кердык!

Два брата славянских один пели стих,
делили по жизни славянское горе;
была у них карта, и было у них –
на карте, как сердце! – Азовское море.
И был бронекатер у братика **А**,
у братика **Б** – лодчонка и вёсла.
А мощью военной гордился всегда-а-а,
Б рыбку дурачил в тени альбатроса.
Погнавшись за рыбкой, дурак дураком,
таранил лодчонкой рыбак бронекатер...
... **А** спасся на щепке, чувак чуваком,
и долго оплакивал **Б**. **И** – оплакал!

Средство определяет цели?

Эпифания

Р. Ш. Чилачаве

Принуждение Грузии к миру,
переросшее в принуждение Украины к братству
и неизбежному экономическому процветанию,
растет-перерастает в принуждение Финляндии к казнокрадству,
чтобы перерасти затем в принуждение Германии
изрыгнуть из себя Штази-Германию?

**Разговор с убиенным и покинутым
своими в Донбассе богатырем русским
Иваном Козловым (Челябинцем)**

Алексю Мочанову, барду и человеку

– Иван Козлов... чего вам не хватало
в Челябинске-расхлябинске своём?

– Работы мало, заработка мало,
к тому же мы для Родины живем.

– Иван Козлов, кровавую работу
в Донбассе тебе Родина нашла...

– Мы издали стреляли, не в охоту,
но, вишь, ответка всё равно пришла.

– Иван Козлов, ты ведь недолго верил
всем сказкам про пиндосов и бендер?

– Дурак, немножко дольше – про Бендеру.
Теперь не верю, только что ж – теперь?

– Иван Козлов, так ты напomini Богу,
чтоб он попам напominiл в самый раз:
Бандера не ходил ни к Таганрогу,
ни к Курску, ни, тем более, – на Кавказ.

– Напominiю, да, конечно, извините,
простите, украинцы и хохлы.
Не думайте, шутя не говорите,
что, мол, Козловы все как есть – козлы.

– Козлами отпущения, Ванюша,
вас будет делать Хунта, что в Кремле...

Прости, Иван: такие вот «баклуши»
всегда бывают на чужой земле.

«Русский мир» идет – пенсии везет!..

Ночью прогремит
тут-там динамит:
звук духовных скреп сладчайше
к «мирянам» летит!

«Русский мир» идет –
русский дух несет,
Харькову, Одессе в радость:
дел – невпроворот!

Дел невпроворот:
весна – круглый год!
Гром гремит, молонья пляшет,
возглашает рот!

Возглашает рот:
«Русский мир – не врет!
Пенсии везет на танках:
стар и млад их ждет!»

С миром – и язык,
что не врать привык:
Слово Божье возвещает
от лица владык!

Помощь языка
на помин легка:
он – великий и могучий,
и «калаш» – в руках.

Зови не зови –
язык *шурави*
повсеместно прибавляет
дружбы и любви!

Зови не зови
(лучше – позови!),
он уж матерно клокочет
и в твоей крови!

«Русский мир» идет –
русский дух несет,
динамитом ночи пахнут –
ночи напролет!

Язык дружбы и любви – шурави

Язык дружбы и любви,
язык правды – шурави –
так Донбасску, блин, очаровал,
что Донбасске не колбаска
(ну, представьте: не колбаска!
да, впервые – не колбаска!), –
шурави – язык прекрасный,
язык – ласки без огласки, –
лучшею наживкой стал!

Мечта плюс План для корейян

Время Северной-то Кореи,
время Южную освободить,
флаг победы над ней водружать:
чтобы реял, и реял, и реял!

От пиндосских влияний тлетворных,
от «Samsung'ов», такую их мать, –
повсеместно освобождать,
там внедряя республик народных!

Дабы вместе, народом корейским единым,
что Господь послал, то потреблять,
дружно Севера дух утверждать,
восславляя едино имя.

Дабы гимном день начиная,
строим – с гимном – славить вождя:
спесь пиндосскую тем бередя,
прыть пиндосскую тем усмиряя.

Дабы вместе Старшего Брата
непрерывно и скоро найти,
с ним, с которым, пойти по Пути,
ублажаясь в братских объятьях.

В благодарность Великой Мечте
(с боем сбывшейся? но – по Плану!)
обсуждать что-то где-то в Чите,
подъезжая ли к Магадану...

Чтоб, на горе глупым пиндосам,
единить с колоссом колосса:
«Мир Корейский» – да с «Русским Миром»,
клир московский – с корейским клиром!

Наградная песенка

Отпускники, наденьте ордена!
Вы, отдыхая, «Русский мир» стяжали,

пощады к автохтонам вы не знали...

Отпускники, наденьте ордена!

Отпускники, наденьте ордена!

Вы и стреляли, вы и возглавляли:

премьерами в р-р-республиках бывали...

Отпускники, наденьте ордена!

Отпускники, наденьте ордена!

Шахтеры вы, но вы – и трактористы,

герои *бесшевроннейшей* конкисты, –

отпускники, наденьте ордена!

Отпускники, наденьте ордена!

Постфактум будут на погоны звезды.

Иным постфактум – звезды на погосты...

Отпускники, наденьте ордена!

... Отпускники, какого вам рожна?!..

Вы заразились р-р-республиканизьмом?!..

Уйдите вон с Болотной, в рот вам клизьма!

Не защитят вас ваши ордена!

Берите отпуск, вновь идите на...

Духовных скреп коробушка полна!

* * *

Громко некий народ

под свой *какбы-шансон*

продолжает совести сон.

Сон глубокий-глубокий,

до коликов,

углублять помогают комики:

невеселые, но – шуты,
а смешные – до тошноты!

Духовно спят – идейно бдят

Вещает телек. Ротозеи
духовно спят, идейно бдят:
ведет майор Всея Рассеи
Рассею вспать!

О Иродово отродье!..

1

Черновола – чтобы не стал
украинским Гавелом,
Немцова – чтобы не стал
российским Черноволом...
Теперь,
чтобы никто нигде
Немцовым не стал, –
кого? всех?!..
О Иродово отродье!

2

Улыбку расстреляли сзади,
в тени машины, темной ночью:
преобладанья психов ради,
гримаски *и* улажая очень.
Она Малюту раздражала,
она опричников бесила,
она к благим умам взывала...
Взойдет Улыбка над Россией! –

к благим умам, к сердцам взывая, –
живая, падших подымая?

Эпифания-2

Забивают буряты –
прочны крепят славянские скрепы,
забивают кадыровцы,
просто в мозг забивают,
не без помощи осетин:
православной духовности
эти скрепы внедрять всем им
проще пареной репы –
грозны воины Зла,
блеют пуще безрогих скотин...

Так латышских мутантов штыки
скрепы Марксовы в этих широтах
внедряли,
так же «мясо китайское»
петрограцам китайцы сбывали,
так башкирских отрядов
железные лавы
сквозь Винницу вел
комиссар...
Было, да не прошло,
провоняло, да не миновало:
у Империи Зла
вечный метод, и ндрав,
и бойцы, и льстецы,
и угар.

Ты и обильная, ты и... дебильная?..

В подлунном мире просто нет обильной,
но, кажется, увы, нет и... дебильной?..
Додуматься: во глубине сибирских руд
создать погост умов первостатейных...
Додуматься: в боевиков свой люд
нарочно превращать:
преступных ли, идейных...
Додуматься: бандитов поощрять
под вывеской народнейших р-р-республик
и в страны сопредельные внедрять –
их миру как свой козырь предъявлять, –
своей Идейной Дырки
красный бублик...
Удумать, будто собственную немощь
в сакраментальном *творческом труде*
войнушкой подменить удастся немо,
глася о справедливости везде –
чтоб сей дурацкий и подлеиший лепет
в конце конечном возвести к тому,
что радиоактивный смертный пепел
угоден Мирозданию всему,
коль *мейд ин Раша* бомба.....

Вышли в степь донецкую...

Элегия

Вышел в степь донецкую
молодой джигит –
речи молодецкие,
взгляд огнем горит:

«Эй, аборигенушки, –
строит местных он, –
Славянской Вселеннушки
я ль не чемпион?»»

Вышел в степь донецкую
молодой бурят;
сам росточка детского,
да глаза горят:
«Вот язык и вера вам,
вот – победный бант.
Приходите с перьями:
напишем диктант».

Вышел в степь донецкую
молодой хакас:
«Огненность советская
да пребудет в вас!
От степей алтайских вам
пламенный привет,
от лесов алтайских вам –
много-много лет!»»

Вышел в степь донецкую
бравый москвит,
в даль замоскворецкую
томно так глядит;
говорит: «Заждались вас
эти даль и ширь,
потому – пожалуйте,
господа ясырь!»»

Марш о марше на марше

Претворений самых смежных
самый светлый в мире мрак.
Самых резвых и безбрежных
вихри праведных атак.

И вновь продолжается бой,
и сердцу балдежно в груди,
и Чичиков вечно живой,
и юный Ноздрёв впереди.
Да, да, да! Чичиков вечно живой,
и юный Ноздрёв впереди!

Чу! Неверных инородцев
во Отечестве не счесть.
Сердце праведное рвется
извести их всех как есть.

За Родину правый сей бой,
и сердцу нейметя в груди,
и Русского Мира герой
в обличье любом впереди.
Да, да, да! Русского Мира герой
в обличье любом – впереди!

Иностранцы, исчезая,
оставляют нефть и газ.
Необъятная, родная,
впереди твой самый час!

Везде – там, где надо – сей бой,
и компасом – сердце в груди:
всего не заслонишь собой,

Всемирный Фашизм, погоди!
Да, да, да! Всего не заслонишь собой,
Хохлацкий Фашизм, выходи!

К русским праведным березкам
пальмы и платаны льнут.
Всюду в мире новоросски
ласки старороссов ждут.

Так пусть продолжается бой,
красавиц сердца бередит,
ведь бой этот – и за любовь,
которая всё победит.
Да, да, да! Бой этот – и за любовь,
которая всех победит!

Новороссий – блин, исконных! –
всюду в мире быть должно.
Гумконвоев гумколонны
к ним доедут всё равно!

Сей бой пусть зовется гумбой,
чтоб сердцу – балдежно в груди,
и Чичиков правит страной,
и юный Ноздрёв подле бдит.
Да, да, да! Чичиков правит страной,
и юный народ подле бдит!

Оглавление

Вальс о 32-м макабря, или Пролог, послуживший Эпилогом в 2003 году.....	3
Если некий народ-д-д.....	4
88:12, или К народу двенадцатипроцентному.....	72
Ни империю разрушить (увы!), ни «российским классиком» стать (тем паче), или В поисках утраченного народа	74
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	81
Дюжина стихотворных записей к циклу «Из Украины с сочувствием», из разных блокнотов извлеченная	81
БЕНЕФИС ВАНИ ПЕТУШКОВА СО ТОВАРИЩИ	81
Ключевского ль читать ли Петушкову	81
Не в вещем, не во сне явление се – чудо Урн Преображения	81
Петушков у Урны Преображения	82
Народ-исполин, привыкая, привык.....	82
О братстве славянском азовская сказка-2013, не при Сноудене будь рассказана, или Сказке сказок – песец и кердык!	83
Средство определяет цели?.....	83
Разговор с убиенным и покинутым своими в Донбассе богатырем русским Иваном Козловым (Челябинцем)	84
«Русский мир» идет – пенсии везет!.....	85
Язык дружбы и любви – шурави.....	86
Мечта плюс План для корейян	86
Наградная песенка.....	87
«Громко некий народ...»	88
Духовно спят – идейно бдят	89
О Иродово отродье!.....	89
Эпифания-2.....	90
Ты и обильная, ты и... дебильная?..	91
Вышли в степь донецкую.....	91
Марш о марше на марше.....	93

Художнє видання

Стрельбицький Михайло Петрович

Якщо певний народ-д-д...

**Анафорична поема-мозаїка
постемфатичного народознавства**

(Російською мовою)

Видання 2-е, доповнене

Видання здійснене в авторській редакції

В дизайні обкладинки використано плакат
Павла Дорохіна «Мыслеборочный комбайн РТР-XXI»

Підписано до друку 22.04.2015 р. Формат 42×29,7 1/4.
Папір офсетний. Друк різнографічний.
Ум. друк. арк. 5,29. Зам. № В2015-15

Видавець і виготовлювач ФОП Барановська Т. П.
21021, м. Вінниця, вул. Порики, 7.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
серія ДК № 4377 від 31.07.2012 р.